

Он услышал ответ Бо Шияня:

— Старый знакомый.

Гу Цзэ: «.....»

Он не понимал, почему Бо Шиянь вдруг объявился здесь и с чего вдруг решил помочь ему... ну, в общем, с тем самым, заметив лишь, что после сделанного тот сразу же развернулся и ушёл.

Ставить мочевой катетер оказалось не так страшно, как он себе воображал; стоило его ввести, как чувство распираания в мочевом пузыре тут же исчезло.

И всё же на душе у него скребли кошки, ему даже хотелось спротить Бо Шияня: «Какого чёрта ты такой бессердечный? Сам в своё время лазил где попало, а теперь пришёл и распоряжаешься чужими трубками!»

Третий день после операции

Впрочем, факты доказали, что старый знакомый доктора — штука крайне полезная. Медсестра сразу стала куда приветливее, да так, что ему даже не пришлось нанимать сиделку. Нашлись даже такие, что обиняками расспрашивали его о Бо Шияне, а когда он заявил, что они едва знакомы, ему явно не поверили.

Медсестра удивилась:

— Да как же не знакомы? Вы и не представляете, как занят доктор Бо. Если бы вы действительно были чужими людьми, стал бы он среди бела дня навещать вас и следить за вашим состоянием?

Гу Цзэ с трудом подбирал слова для своих чувств и сумел лишь что-то невнятно промямлить в ответ.

Когда медсестра ушла, он украдкой поинтересовался у соседа по палате — офисного служащего:

— А Бо Шиянь здесь пользуется популярностью?

Тот лежал в больнице дольше него и сплетен слышал больше, а потому тут же ответил:

— Молодой талант! Говорят, в следующем году он станет самым молодым заместителем заведующего отделением нейрохирургии, получит высшую врачебную категорию. И это спустя

столько-то времени после выпуска! К тому же высокий и красивый — желающих отхватить такого хоть отбавляй, говорят, даже дочери главного врача на него глаз положили.

Гу Цзэ почувствовал во рту горький привкус, на душе кошки скребли.

С момента их расставания прошло почти три года: он из студента превратился в магистранта, но так и остался учащимся, в то время как Бо Шиянь, похоже, уже превратился в солидного человека с высоким социальным статусом и бешеной популярностью.

Куда же подевались все те громкие слова о том, что он заставит бывшего пожалеть? Ничего из задуманного не вышло.

После воссоединения жалким выглядел почему-то именно он.

Перед окончанием смены врача он изо всех сил пополз в перевязочную менять повязку. Зрелище было поистине грандиозное: весь путь усеивали товарищи по несчастью, семенившие крошечными шажками шеренгой словно толпа зомби.

В перевязочной царил не менее впечатляющая картина: целая шеренга людей стояла кверху задом. Отыскав свободное место, он замер на кушетке в той же позе. Увидев боковым зрением, как врач приближается с пинцетом наперевес, он едва не отдал Богу душу от страха.

Не успел он пискнуть, что боится боли и протестует, как пинцет уже ухнул внутрь.

Острую, пронзительную боль пронесло волной, из глаз брызнули слёзы, и он горько пожалел о содеянном.

И с чего это у него была такая уверенность, что можно целыми днями просиживать задницу в кресле, да ещё и заказывать на дом острую сычуаньскую маласян?

Докторский пинцет оказался больнее всего, что Бо Шиянь проделывал с ним в первый раз!

Внезапно ему показалось, что тогда Бо Шиянь был с ним чертовски нежен. Честно.

Закончив с перевязкой, он с мучениями пополз обратно в палату, как раз к ужину. Выпил жидкой каши с отрубями, чтобы помочь сформироваться своему «добру».

Из-за трубки болело уже не так сильно, так что ночью даже удалось немного поспать, но не прошло и часа, как его разбудила боль.

Его младший братец совершенно некстати решил подчиниться законам мужской физиологии.

Хуже всего было то, что теперь с катетером внутри возникало жуткое ощущение тупой, ноющей боли, словно все мышцы в нижней части тела намертво переплелись. Следом за этой ноющей тяжестью заняла сама послеоперационная рана — горело огнём и изнутри, и снаружи.

А хуже всего пугало то, что, возможно, из-за операционной травмы у него начался анальный спазм.

Место, которое раньше при занятиях любовью с Бо Шиянем почти не сжималось, теперь сокращалось с пугающей силой в такт пульсации его младшего брата, отзываясь дикой послеоперационной болью.

Приятно ли, когда в пятой точке всё сжимается? Ни капли. А если там сделано несколько надрезов, внутри зияет рана, напичкана марля и торчит мягкая трубка — это боль, которую не забыть до конца дней.

Сейчас ему безумно хотелось вернуться на машине времени на пару дней назад и как следует избить себя самого, просиживающего штаны за Цивилизацией-6 с заказом на маласян.

Его выдернуло из сна резкой болью, хотелось плакать. Только тут он осознал, насколько же он хрупкий: за сегодняшний день от боли хотелось плакать уже несколько раз, такое смертным вынести просто не под силу.

Глубокая ночь. Соседи по палате спали, оглашая комнату храпом вперемежку, а у него из-за причины пробуждения и совести-то не было звать медсестру.

Пришлось терпеть в одиночку, пока в глазах не поплыло от боли.

Кто-то подошёл к его койке. Приняв гостя за ночную дежурную медсестру, он не стал шевелиться, но неожиданно чья-то рука коснулась его головы, стирая испарину со лба.

Кто-то включил прикроватную лампу. Перед ним стоял Бо Шиянь — всё ещё в белом халате, склонившись над ним.

— Сильно болит? — спросил он.

От боли он не мог вымолвить ни слова.

На этот раз без очков, Бо Шиянь окинул его взглядом, и Гу Цзэ отчётливо разглядел в его глазах холодный и острый прищур.

Он-то наивно полагал, что тщательно скрывает причину боли, но на самом деле всё было очевидно: на нём были лишь свободные больничные штаны из тонкой ткани, и всё проступало

предельно ясно.

Бо Шиянь выпрямился и нажал вызывную кнопку.

Пришла медсестра, и Гу Цзэ услышал голос Бо Шияня:

— Принесите ему таблетки диэтилстильбестрола и трамадол.

Медсестра беспрекословно подчинилась врачу, особенно если это был Бо Шиянь, и тут же умчалась за лекарствами.

Преодолевая волны боли, он дождался, пока его организм полностью успокоится, и только тогда стало легче.

Стоило боли утихнуть, как он тут же потребовал:

— Что за лекарства ты велел принести?

Вернувшаяся с препаратами медсестра тут же любезно пояснила:

— Диэтилстильбестрол обычно применяется при нехватке женских гормонов, а мужчинам его назначают после операции по обрезанию, чтобы подавить физиологические реакции.

Гу Цзэ всё понял: это было средство, чтобы он не мог возбуждаться.

Черт побери! Голову можно сложить, кровь пролить, но мужчина не имеет права быть импотентом!

Он тут же взбунтовался:

— Я категорически отказываюсь это принимать!

Холодный, суровый взгляд Бо Шияня упал на него.

Неизвестно почему, но в памяти всплыло прошлое, и он со злостью выпалил в лицо Бо Шияню:

— Ты вечно так! Не считаешься с чужими желаниями и всё решаешь так, как взбредет в твою голову!

<http://bllate.org/book/26928/3241313>